

29.04.92

317

"ПАСХАЛЬНЫЙ ВИЗИТ" - рассказ из "Римской тетради" Саши Черного (1880-1932). Его стихи, феноменальную смесь желчи и грусти, соли и простодушия, дерзости и детскости, мы хорошо знаем. А вот прозу открыли недавно и, сопоставляя со стихами, начинаем понимать и любить.

Одному из своих героев - солдатику Лукашке, молочно-голубого толка, Саша Черный передал простой рецепт веселья: "Веселей жить, ежели боль вокруг себя утишаешь" ("Мирная война"). Лукашка-мирошник, в свободное время содержит лечебницу для животных, многократно варьируемый проект Саши Черного: по его страницам гуляет слово с а н а т о р и я с зоологическим эпитетом: лошадиная ("Первое знакомство"), кошачья ("Кошачья санатория"), для подагрических бульдогов ("Дневник фокса Микки")... Поэт - это образ жизни: "сыр насыщенный" не лезет ему в горло, если трется у ног "инвалидные" кошки.

Скормил уродам весь кусок,
А сам глотаю слюни.
Зато душа моя чиста,
Как бабочка в июне...

Вот и в "Пасхальном визите" "шестилетний тихий гномик, Нина" (тихая девочка - любимая героиня Саши Черного) кормит в зоопарке медведя, приобщая его к русской Пасхе...

Кто, читая Сашу Черного, засмеется, кто просто улыбнется. Улыбки, считал он, вполне достаточно:

Ты, читатель, улыбнулся?
Это, милый, все, что надо,
Потому что без улыбки
Человек противней гада...

В Рим Саша Черный приехал в июле 1923 года и пробыл около года: его жена, М.И.Васильева, была нанята домашним учителем к Савве, Вере и Валентину, детям только что умершего писателя Леонида Андреева. Есть ли в "Пасхальном визите" отзвук их судьбы?

По свидетельству Веры Андреевой, Саша Черный в Риме, подвыпив, пел шутилку песню на неаполитанский мотив. Нина в рассказе поет русскую "Таня пшенушку полола..." Поэт был собирателем и знатоком народных песен. И постоянно тосковал по России.

Размышления Нины о животных восходят к детским впечатлениям автора: "Вспоминаю, как мы ходили с братьями в детстве в зоологический сад и часами обижено простаивали перед клеткой медведя или какой-нибудь вялой птицы, которые упрямо не желали двигаться..." ("Первое знакомство").

"Пасхальный визит" вошел в "Румяную книжку" Саши Черного, вышедшую в Белграде в 1929 г. На родине писателя печатается впервые.

Предисловие и публикация
Владимира ПРИХОДЬКО.

САША ЧЕРНЫЙ

рис.художника Ф.РОЖАНКОВСКОГО, 1926год



ПАСХАЛЬНЫЙ ВИЗИТ

Квартира возле PORTA NONENTANA. Быше учительницы, выше штопальщика-портного, даже выше двух синьор, работниц с кустарной фабрики плетеной мебели. На что уж бедные синьоры, но Варвара Петровна умудрилась еще выше поселиться, рядом с голубями.

Из кухни окно в бездонную коробку двора, - смотреть жутко. Будто и не Рим, а какое-нибудь Нью-Йоркское захолустье. Изюм всех щелей точно в трубу тянется чад жареного лука, томатные ароматы, переливающиеся из окна в окно гул перебранки и приветствий. Веревки - вдоль стен вниз и поперек из ниши в нишу. Одни для корзин, куда голосят поставщик молока и овощей положить что нужно - не подыматься же ему под небеса; на других, слабо надуваясь, сохнет разноцветное тряпье, - словно выпелый на адмиральском судне в праздничный день. Зато окно из спальни на вольный простор. Глубоко внизу под узеньким балконом кудрявые купы каменных дубов, эвкалипты и с ранней весны неустанно цветущие мимозы - канареечный, нежный дымок. Темный, ведро закрытый сад туго разросся между каменными стенами; - ноги никогда его не коснутся, но глазам отрада...

Варвара Петровна не первый год в Риме. Еще до войны попала с мужем-художником на Капри. С золотой медалью укатил он стипендиатом Петербургской Академии Художеств в Италию, в альфонсовое царство, два года протосковал, щи варил и программное полотно с лодочниками в красных беретах писал... Простудился, слег, да там на Капри и глаза закрыл. А Варвара Петровна переехала в Рим с мальчиком, с крошечной дочкой, с грудой запяленных этюдов и горой неизбывных забот.

Потом началась война. Куда уедешь? Так и застряла Варвара Петровна с детьми в Италии и стала кое-как налаживать жизнь. Этюды по багетным лавкам рассовала и принялась вплотную за работу, - надо же детей подымать.

Уж так повелось: куда судьба русскую женщину ни забросит, всюду она извернется, силу в себе такую найдет, о которой она дома, пока скатерть-самобранка под рукой была, и не знала.

Трудно было вначале. Так трудно, что лучше и не вспоминать... Работала она сестрой в местном госпитале, - к детям только в свободные часы прибегала. Но спасибо добрым соседям, - заботились они о ее детях, как о своих. А потом, после войны, страна ожила, жить стало всем легче.

Вспомнила Варвара Петровна свое старое рукоделье, завела через отельных портье знакомства и стала на продажу расшивать платки, платья и шарфы павлиньими русскими узорами...

Мальчик как-то незаметно от рук отбился. По-русски говорить не любил. Какой разговор и с кем? В школе, на базаре и в лавках - только итальянские звонкие слова в ушах и звучат. Вечно в своей суеде толкось: то старые марки перепродавал и обменивал, сбывал букинистам оставшиеся после отца книги, покупал в уличных ларьках лотерейные билеты со счастливыми номерами... Домой прибегал на минутку, глотал макароны, уроки учил как-то по-птичь, на ходу, и опять на улицу. Впрочем, учился неплохо и матери был не в тягость.

Только младшая дочка, шестилетний тихий гномик, Нина и была утешой. Мать вышивает, а девочка пестрые лоскутки перебирает и поет на итальянский мотив русскую песенку, - слова от матери слышала: "Таня пшенушку полола, Черный куколь выбирала..."

- Мама, что такое куколь?
- Не знаю, котик.
- Ну, какая ты. Русская же песня, а ты не знаешь.

Потом раскроет свою старенькую русскую хрестоматию и начнет - в который уже раз! - перелистывать. Читает Нина еще не умеет. Буквы чужие, в итальянских газетах совсем другие, но картинки и без букв понятны. Вот зима, на еловых лапках густая вата: это снег. Никогда не видела, но, должно быть, очень интересно. А это березка. На Палатинском холме тоже есть березка, Нина видела. Белый-белый ствол и весной желтые червячки-сереежки дождем висят... А вот и любимая картинка: "Генерал Топтыгин". Это так медведя в России называют. Сидит в саях, - это такая "кароцца" без колес, - развалился... Лошади испугались (еще бы!) и мчатся как сумасшедшие. Нина вздыхает. Светлые волосы, такого же цвета, как ее бледные восковые щечки, спустились на глаза...

- Мама, смотритель очень испугался? Что прикажете, генерал, ризотто с пармезаном или омаров? Или, может быть, самовар поставит? А медведь на него - р-р-р! Правда, мама?

Мать все вышивает, отвечает невпопад, а то нитку перекусит и в окно устало смотрит. С утра до вечера такие красивые штучки она вышивает, - думает Нина, - почему не для себя, почему не для Нины? Ни одного такого чудесного платья у них нет...

Девочка закрывает книжку, берет маленькую игрушечную метлу и старательно подметает пол: ишь, сколько ниточек! Двадцать раз в день метешь - не помогает.

Однажды утром Нина проснулась, взглянула на стул перед диваном: сюрприз... белое шелковое платьице, канареечная лента. О! Сегодня ведь праздник, русская Пасха, как же она забыла... Ведь, вчера

она сама яйца заворачивала в пестрые шелковые тряпочки, помогала красить. А мать сладкое тесто месила и снесла вниз к булочнику, синьору Леонарди, чтобы запек.

Она быстро оделась и с лентой в руках побежала в столовую. Та-та-та! Как чисто! На столе мимоза и два розовых тюльпана. Кулич! Какое смешное и милое слово... И яйца, веселые и пестрые, ну, разве можно их есть? Жалко ведь...

Варвара Петровна поставила дочку на табуретку:

- Сама оделась? Вот умница... Христос Воскресе, Ниночка!
- А как надо отвечать? Я уже забыла...
- Воистину Воскресе...
- Во-ис-ти-ну!

И поцеловались они не три, а пять раз в засос. Так уже случилось.

Нина повертелась по комнате. Пол чистый, подметать не надо. И вспомнила:

- Ты ведь сегодня не вышиваешь?
- Кто же сегодня вышивает?..
- Вот и отлично. Значит, мы пойдем в Зоологический сад. Ты ведь обещала. Да?
- Пойдем, Ниночка. Давай только я ленту завяжу, а то ты так в руке ее и понесешь.

Пили кофе с куличом. Нина молчала и о чем-то своем думала. Когда уж совсем собралась уходить, она подошла к матери и попросила:

- Мама, можно мне четыре яйца в сумочку? Я выберу с трещиной. И куличика кусочек. Только потоплю, хорошо?
- Возьми, конечно.

Варвара Петровна удивилась: никогда девочка не просит... ест, как цыпленок, всегда упрямиться надо. И вдруг - четыре яйца и кулич... Фантазия!

Варвара Петровна быстро шла за дочкой по горбатой золотистой от песка дорожке. Ишь, как бежит! Куда это она?

Девочка, не останавливаясь, наскоро поздоровалась по-итальянски с верблюдом:

- Добрый день, синьор, как поживаете? Со всеми зверями она разговаривала только по-итальянски, по-русски ведь они не понимают.

За поворотом, на высокой желтой скале, окаймленной густой синькой римского неба, стоял тигр. Полосатый злодей, как и львы, жил не в клетке, а на свободном клочке земли. С дорожки рва не было видно, и люди, впервые попадавшие в сад, невольно вздрагивали и останавливались: тигр на свободе!

Нина и с тигром поздоровалась. Но наглый зверь даже и головы не повернул.

Через ров не перелетишь, а то бы он... поздоровался.

И вдруг вниз, под пальмовым наметом, Нина остановилась у клетки, в которой томился бурый медведь. Остановилась и сказала по-русски, - медведь ведь русский был:

- Здравствуй, здравствуй... Скучаешь? А я тебе поесть принесла. Потерпи, потерпи... Вкусно! Вот увидишь, как вкусно...

Она аккуратно облупила одно за другим крашенные яйца. Зверь встал на задние лапы и принял носом к железным прутьям. Нина положила на деревянную лопатку яйцо. Медведь смахнул его лапой в пасть, съел и радостно заурчал.

- Еще?

Съел и второе, и третье, и четвертое. Куличом закусил и приложил лапу ко лбу, точно под козырек взял. Это он всегда делал, когда был чем-нибудь очень доволен.

Нина в ответ на доброе приветствие зверя показала ему пустую сумочку и ответила странным русским словом, которое ей мать сегодня утром подсказала:

"Воистину, воистину!.."

Должно быть, это то же самое, что "на здоровье!.."

Варвара Петровна опустила на скамью и закрыла глаза. Ну вот, только этого не доставало... Слезы... "Все съел, Ниночка? Вот и отлично!"

Девочка теребила ее за рукав и весело тараторила:

- Конечно отлично. Я так и думала, что ты не будешь сердиться. Он же русский, понимаешь... Мне сторож давно уже рассказал, что его прислали с Урала еще до войны. Ему очень скучно, никто его не понимает. Тигра вон как хорошо устроили, а медведя в клетку. За что? И он чистый, правда, мама? Видишь, он аккуратно съел, ни одной крошки не рассыпал. Не то, что мартышка какая-нибудь... До свиданья, синьор Топтыгин. До свиданья!

Она взяла мать за руку и поскала по дорожке мимо жирных, матово-сизых агав к пантерам; там маленькие детеныши так смешно в прятки играют, надо насмотреться, а то вырастут и будут, как маятники, из угла в угол шагать и через голый ствол прыгать.

(Не позже 1929).